

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

П. И. КУШНЕР (КНЫШЕВ)

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И БЫТА НАРОДОВ СССР

(К итогам дискуссии)

1

Теоретические положения нового классического труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и решения XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза раскрыли перед советской наукой такие широкие горизонты и так по-новому осветили дальнейшие перспективы развития советского общества, что для нас, этнографов, выявилась насущная необходимость пересмотреть многие ближайшие задачи этнографической науки и попытаться заново сформулировать содержание и цель этнографического изучения социалистической культуры и быта народов СССР.

В своем гениальном труде И. В. Сталин всесторонне исследовал основные закономерности экономики социализма и указал пути постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Определив основной экономический закон современного капитализма, как «обеспечение максимальной капиталистической прибыли путём эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путём закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путём войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей»¹, И. В. Сталин противопоставил ему основной экономический закон социализма: «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»².

Эти, открытые товарищем Сталиным основные экономические законы дают возможность понять и объяснить все закономерности экономического строя — как капиталистического с его непримиримыми противоречиями, законом конкуренции, анархией производства, так и социалистического, в котором происходит планомерное развитие народного хозяйства, опирающееся на основной экономический закон социализма.

Определив научные основы развития экономики социалистического

¹ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 38.

² Там же, стр. 40.

общества, И. В. Сталин указал дальнейшие пути перехода его из первой, низшей фазы развития во вторую, высшую, когда от социалистической формулы — «от каждого по способности, каждому по труду», — можно будет перейти к коммунистической формуле — «от каждого по способности, каждому по потребностям».

Марксистско-ленинская теория обогатилась еще одним классическим трудом, имеющим величайшее историческое значение; программные положения этого гениального труда были приняты за основу при разработке директив по составлению пятого пятилетнего плана развития СССР, утвержденных XIX съездом Коммунистической партии Советского Союза. Решения съезда партии открыли перед советским народом громадные перспективы и поставили новые задачи.

На советских ученых Съезд возложил ответственную задачу разработки сложных проблем техники, экономики и культуры, разрешение которых совершенно необходимо в процессе перехода общества к коммунизму. Съезд призвал ученых развивать дальше советскую науку с целью занять первое место в мировой науке.

В свете теоретических положений И. В. Сталина и решений XIX съезда партии должны мы рассмотреть очередные задачи этнографического изучения культуры и быта народов СССР.

2

«Для того, чтобы подготовить действительный, а не декларативный переход к коммунизму, — говорит И. В. Сталин, — нужно осуществить по крайней мере три основных предварительных условия»³. Во-первых, нужно обеспечить непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным ростом производства средств производства. Во-вторых, необходимо путем постепенных переходов поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение заменить системой продуктообмена. В-третьих, — добиться такого культурного роста общества, который обеспечил бы членам общества всестороннее развитие физических и умственных способностей.

В ходе выполнения этих предварительных условий будет осуществлен ряд этапов экономического и культурного перевоспитания общества⁴, в результате которых можно будет перейти к осуществлению коммунистического принципа: «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Культурное перевоспитание общества потребует различных мероприятий Советского государства, как общего порядка, так и специальных мероприятий, учитывающих характерные особенности быта населения отдельных областей и культурный уровень его. Советская этнографическая наука, изучающая национальную культуру и быт народов СССР, может и должна включиться в разработку проблем, связанных с этим культурным перевоспитанием.

Культурный рост общества представляет сложный процесс, протекающий в капиталистических странах медленно и противоречиво. Классовая структура капиталистического общества обрекает народные массы на бесправие и бескультурье. В. И. Ленин говорил, что в капиталистических странах «весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития»⁵. Народное образование в странах капитала проводится лишь в той мере, в какой это необходимо для подготовки промышленных кадров. В эпоху империализма монополистический капитал не только не содействует развитию народного обра-

³ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 66.

⁴ Там же.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 436.

зования, но, наоборот, всячески сдерживает просвещение масс, рассчитывая таким путем облегчить для себя эксплуатацию их.

В обществе социалистическом, основным экономическим законом которого является «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества»⁶, процесс культурного роста народных масс проходит непрерывно и ускоренно, потому что Советское государство обладает всеми материальными возможностями, чтобы осуществлять грандиозные мероприятия по повышению культурного уровня населения и в этом направлении проводит твердую и последовательную политику.

В статье «О кооперации», одной из последних статей нашего великого учителя, В. И. Ленин, формулируя главные задачи, «составляющие эпоху», указал на необходимость резкого повышения культуры народных масс, в особенности крестьянства, «именно крестьянства, как громадной массы», для завершения построения социализма. «Для нас,— писал Ленин,— достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет невероятные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)»⁷. Эта база была создана уже после смерти В. И. Ленина — в период первых сталинских пятилеток. К началу 1938 г. были не только осуществлены те материальные предпосылки, о которых говорил Ленин, но и произошла подлинная культурная революция, она позволила завершить построение первой фазы коммунистического общества, социализма.

«Что касается культурного положения народа,— сказал товарищ Сталин на XVIII съезде партии,— то его подъём шёл вслед за подъёмом материального положения народа.

С точки зрения культурного развития народа отчётный период был поистине периодом культурной революции. Внедрение в жизнь всеобщего обязательного первоначального образования на языках национальностей СССР, рост числа школ и учащихся всех ступеней, рост числа выпускаемых высшими школами специалистов, создание и укрепление новой, советской интеллигенции,— такова общая картина культурного подъёма народа»⁸. «Я думаю,— прибавил к этому И. В. Сталин,— что народение этой новой, народной, социалистической интеллигенции является одним из самых важных результатов культурной революции в нашей стране»⁹.

Каждый новый период в развитии общества ставит перед ним и новые задачи. В свете задач, возникающих после завершения построения первой фазы коммунизма, социализма, и подготовки к переходу в новую фазу коммунистического общества, современный уровень культуры народных масс должен быть значительно повышен. Советские граждане должны обладать значительно большими знаниями во всех областях жизни. Среди тех трех основных предварительных условий для действительного, а не декларативного перехода к коммунизму, которые сформулировал И. В. Сталин, третье условие говорит о значении культурного роста общества.

«Необходимо, в-третьих, добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возмож-

⁶ И. Сталин, Указ. раб., стр. 40.

⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 434, 435.

⁸ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 626.

⁹ Там же, стр. 628.

ность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии»¹⁰.

«Что требуется для этого?» — спрашивает товарищ Сталин и указывает на те конкретные мероприятия, которые должны быть проведены и, несомненно, будут проведены в определенной последовательности Советской властью.

«Было бы неправильно думать, — пишет И. В. Сталин, — что можно добиться такого серьезного культурного роста членов общества без серьезных изменений в нынешнем положении труда. Для этого нужно прежде всего сократить рабочий день по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов. Это необходимо для того, чтобы члены общества получили достаточно свободного времени, необходимого для получения всестороннего образования. Для этого нужно, далее, ввести общеобязательное политехническое обучение, необходимое для того, чтобы члены общества имели возможность свободно выбирать профессию и не быть прикованными на всю жизнь к одной какой-либо профессии. Для этого нужно, дальше, коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше, как путём прямого повышения денежной зарплаты, так и, особенно, путём дальнейшего систематического снижения цен на предметы массового потребления»¹¹.

В директивах XIX съезда КПСС по составлению пятого пятилетнего плана предусмотрено уже введение обязательного среднего образования в крупных городах (с тем чтобы в следующей пятилетке распространить это мероприятие на всю страну), переход на политехническое обучение в средней школе и подготовка мероприятий для перехода ко всеобщему политехническому обучению, развитие заочных и вечерних высших и средних специальных учебных заведений и общеобразовательных школ для взрослых, увеличение числа выпускаемых высшей школой специалистов, а также учителей и т. д. Одновременно будет продолжаться снижение розничных цен на предметы массового потребления, а реальная заработная плата рабочих и служащих, с учетом снижения розничных цен, должна быть повышена за пятилетку не менее чем на 35%. Денежные и натуральные доходы колхозников должны возрасти не менее чем на 40%. Предусмотрено также дальнейшее улучшение жилищных условий рабочих и служащих как путем государственного жилищного строительства, так и путем строительства индивидуальных жилых домов¹². Это только часть тех широких мероприятий, которые будут проведены в период пятой пятилетки для повышения материального благосостояния народных масс и культурного роста общества. В последующие пятилетки эти мероприятия получат еще больший размах.

Культурный уровень людей определяется не только запасом их знаний, запасом полезных производственных и общественных навыков, но и их политическим развитием, а также умением применять свои знания и навыки в повседневной жизни. Все это В. И. Ленин называл культурностью людей¹³. Культурность человека проявляется в труде, в отношении человека к вещам и другим людям, в его представлениях о самом себе и об окружающих. Так как в основе культурности советского человека, члена социалистического общества, лежат коллективизм, политическая грамотность, уважение к труду, к правилам социалистического обще-

¹⁰ И. Сталин, *Экономические проблемы социализма в СССР*, стр. 68—69.

¹¹ Там же, стр. 69.

¹² См. «Директивы XIX съезда КПСС по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 гг.», Госполитиздат, 1952.

¹³ См. В. И. Ленин, *Соч.*, т. 29, стр. 183, 185; т. 32, стр. 47; т. 33, стр. 265, и др.

жития, то эта культурность качественно отлична от культурности буржуа, фермера, буржуазного интеллигента, чиновника и стоит на неизмеримо более высоком уровне: «последний советский гражданин,— сказал И. В. Сталин в своем докладе на XVIII партийном съезде,— свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства»¹⁴.

В связи с ростом материального благосостояния народных масс и повышением культурных запросов населения произойдет дальнейшее мощное развитие национальной культуры всех народов Советского Союза. Советские этнографы должны изучать формы этого развития, пути взаимного обогащения национальной культуры разных народов, в частности благотворное влияние культуры великого русского народа на культуру и быт других народов СССР; это является важнейшей задачей этнографической науки.

Марксистское учение о национальной культуре, разработанное В. И. Лениным и И. В. Сталиным, является той теоретической базой, из которой исходят методологические построения советских этнографов.

В обществе капиталистическом национальная культура, т. е. господствующая культура любой нации, является культурой буржуазной по своему содержанию. Однако, как указал В. И. Ленин, «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую»¹⁵. «Лучшая передовая часть пролетариата,— писал Ленин в другом месте,— которая в городах десятилетиями вела отчаянную борьбу, могла перенимать в этой борьбе всю культуру городской и столичной жизни и в известной степени ее восприняла»¹⁶. Вместе с этими культурными навыками передовые слои пролетариата переняли и культурные традиции революционных демократов, усилили и развили все демократические и революционные элементы культуры и создали основы той новой культуры (социалистической), которая могла развиваться в полной мере лишь в социалистическом обществе. Культура этих пролетарских слоев населения, сохраняя национальную форму, отличалась по своему содержанию от культуры не только капиталистической буржуазии, но и крестьянства.

Однако национальная культура города, с одной стороны, и национальная культура деревни, с другой,— имели и имеют при капитализме значительные отличия в том отношении, что деревня с ее застойным бытом сохраняет в течение столетий отсталую технику земледелия, привычные формы жилых строений и хозяйственных построек, старинные формы одежды, кулинарии, дедовские обычаи, традиционные обряды; в городе же многие из этих традиций отмирают, поскольку условия городской жизни, и в особенности условия труда, делают ненужными и бесполезными старые навыки, связанные с прежним занятием сельским хозяйством. Процесс изменения форм культуры в особенности четко сказывается на быте той части городского населения, которая состоит из недавно вовлеченных в промышленность выходцев из деревни. В эпоху поднимающегося капитализма, когда рост рабочего населения обгоняет по своим темпам рост населения вообще, основную массу новых пролетариев составляют бывшие жители деревни. Они приходят в города или крупные промышленные центры из разных областей и районов, приносят с собой свои обычаи и культурные навыки, но, попадая в фабричные общежития или городские квартиры, входя в постоянное общение с городскими жителями или выходцами из других районов страны, они по-

¹⁴ И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 630.

¹⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 8.

¹⁶ Там же, т. 29, стр. 185.

степенно теряют — одну за другой — специфические особенности своего прежнего отсталого деревенского быта. Город перемалывает общественный и домашний быт этого пришлого крестьянского населения, устраняя из него все областнические, локальные особенности. Вследствие этого быт городских рабочих, продолжая сохранять свою национальную форму, все же значительно отличается от быта сельского населения.

Стремясь описать наиболее яркие формы национальной культуры и охватить все разнообразие быта населения отдельных областей, буржуазные этнографы ограничили рамки своих исследований культурой и бытом крестьянства. Национальные же особенности быта рабочих и своеобразие их культуры оказались вне поля зрения этнографии, и тем самым демократические и социалистические элементы национальной культуры, зародившиеся в городах и промышленных центрах, не подверглись этнографическому изучению.

Следует ли нам, советским этнографам, продолжать эту традицию буржуазных исследователей?

Развившаяся в советском обществе народная культура есть культура социалистическая, но она национальна по своим формам. Носителями этой социалистической культуры являются в одинаковой мере оба класса советского общества — рабочий класс и колхозное крестьянство (а также советская интеллигенция). Социалистический быт складывается и у рабочих, и у колхозных крестьян. Поэтому и объектом этнографического изучения должны быть культура и быт не только колхозного крестьянства (по этнографической «традиции»), но и рабочего класса. Изучая только национальную культуру и современный быт колхозного крестьянства, советские этнографы решают лишь часть общей проблемы. Правда, в колхозной деревне сохранились такие формы национальной культуры и быта, которые в советских городах сплошь и рядом отсутствуют и которые объясняются в значительной мере спецификой сельскохозяйственного производства, но, с другой стороны, именно в быту городского, в особенности рабочего, населения можно изучать наиболее развитые формы социалистической культуры. В культурно-бытовом отношении социалистический город идет — и еще в течение долгого времени будет идти — впереди колхозной деревни. И если для перехода к коммунизму нужен дальнейший и очень значительный культурный рост городского населения нашей страны, то в еще большей степени это относится к советской деревне.

В современном советском обществе уничтожена почва для противоположности между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством, но пока еще сохраняются существенные различия между ними. Остаются также — и сохраняются в значительной мере и впредь — различия в городском и сельском быту, вызываемые особенностями условий труда в сельском хозяйстве по сравнению с условиями труда в промышленности¹⁷. Все эти различия отражаются на быте населения; поэтому как быт колхозного крестьянства, так и быт рабочих должны изучаться этнографами сами по себе, самостоятельно. Но культурное и бытовое влияние социалистического города на колхозную деревню — влияние, возникающее из исторической миссии рабочего класса, из его руководящей роли в социалистическом обществе, должно быть предметом особого изучения при всяком этнографическом исследовании, посвященном колхозной деревне.

В основе современного сельского быта в СССР лежат социалистические производственные отношения, они цементируют этот быт — как общественный, так и домашний. Но в периоды революций и больших социальных сдвигов, как это имеет место в настоящее время, быт всегда несколько отстает в своем развитии от политического и социального

¹⁷ См. И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 25—28.

строю; поэтому в нем, наряду с передовыми чертами, сохраняется и нечто от старого.

Новые, социалистические отношения и их отражение в сельском быту изучаются советскими этнографами уже в течение нескольких лет. Несмотря на ряд неудач в этом отношении, отмеченных в свое время Этнографическим совещанием 1951 г. (в Москве), имеющиеся новые публикации и в особенности некоторые не опубликованные еще монографии, бывшие предметом диссертаций на ученые степени в 1951 и 1952 гг., дают значительный материал по современной этнографии отдельных народов СССР (абхазцев, даргинцев, кумыков, латышей и др.).

Необходимо также отметить, что за последнее время подготовлены к печати (и частично уже опубликованы) исследования о культурном наследстве народов СССР — о том наследстве, которое является мощной базой для дальнейшего развития национальных форм социалистической культуры: это монографии и отдельные статьи о художественных прикладных знаниях, об изобразительном искусстве, об устном и музыкальном народном творчестве, о народном зодчестве и т. д.

В работах, касающихся культуры и быта сельского населения, выясняются пути развития национальной культуры в социалистическом обществе, устанавливается взаимное влияние разных народов в отношении развития культуры. Несколько меньше затрагиваются проблемы связи города и деревни и формы влияния социалистического города на колхозное село. Однако в большинстве исследований попрежнему еще отстает теоретическая разработка проблем от научных описаний и потому не всегда выявляются закономерности, знание которых помогло бы ускорить подъем культурного уровня сельского населения.

Необходимо также отметить, что описательный характер некоторых исследований сопровождается модернизацией пережиточных явлений: авторы пытаются сами «переосмыслить» то, что в действительности населением вовсе не переосмыслено, а бытует в виде живучего, но достаточно вредного пережитка. Исследование социалистических основ сельского быта не должно приводить этнографа к забвению того, что новое всегда рождается в борьбе со старым и что поэтому проявления косности, как бы «ярки», с этнографической точки зрения, они ни были со стороны своей формы, требуют непрестанной борьбы с ними. Наибольшее число разных пережитков сохраняется, пожалуй, в обрядовой стороне домашней жизни, и за последнее время обращает на себя внимание исследователей все возрастающая пышность колхозных свадеб, во время которых воскрешаются старые ритуалы, а на пиршества расходуются очень большие средства.

Самой крупной и в то же время общей проблемой этнографического изучения колхозной жизни необходимо признать выяснение влияния колхозного строя на культуру и быт сельского населения разных национальностей. Этой проблемой заняты многие этнографические учреждения нашей страны. Для того чтобы решить эту проблему, этнографы изучают хозяйство колхозов и материальную культуру колхозников (жилище, пищу, одежду и пр.), их домашний и общественный быт, формы использования досуга, народное творчество сельского населения — в пределах одного колхоза, селения, группы колхозов, группы селений, одного района и даже небольшого народа. Всестороннее этнографическое изучение объекта дает возможность выявить взаимное влияние различных сторон народной жизни друг на друга, установить при этом некоторые закономерности в ходе процесса изменения национальных форм.

Институт этнографии имени Миклухо-Маклая АН СССР ведет в настоящее время три таких исследования: 1) изучение культуры и быта таджикского населения в колхозе «Рохи Сталин» («Путь Сталина») в селении Чкаловск Ленинабадской области Таджикской ССР; 2) изучение

культуры и быта киргизского населения высокогорного колхоза имени Ворошилова в Иссык-Кульской области Киргизской ССР; 3) изучение культуры и быта русского населения в колхозах «Красный Октябрь», имени XVII партсъезда — в селениях Старая Чигла и Старая Тойда Анненского района Воронежской области и в колхозе «Путь Сталина» Сосновского района Тамбовской области РСФСР. Полевая этнографическая работа в таджикском колхозе близится к концу, и в 1953 г. монография будет закончена. Вслед за тем будет подготовлена монография о киргизских колхозниках, а в 1955 г. — о русских.

Исследования ведутся научными бригадами, составленными из этнографов, специализировавшихся в различных областях этнографической науки; привлекаются к полевой работе и представители смежных дисциплин.

Аналогичные исследования проводятся в настоящее время этнографическими учреждениями Белорусской, Таджикской, Казахской, Армянской, Латвийской ССР и др.

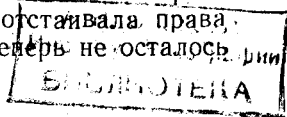
В Институте имени Миклухо-Маклая АН СССР готовится также большое исследование по современной этнографии народов Дагестанской АССР. Многолетняя экспедиция, окончание работы которой намечено на 1955 г., закончила уже этнографическое изучение современного быта аварцев и лаков и начала изучение быта лезгин и даргинцев. Собранные материалы выявляют процесс происходящей у народов и этнографических групп Дагестана национальной консолидации и дают возможность изучить проблему формирования новых, социалистических наций в условиях постепенного перехода к коммунизму. Аналогичные исследования ведутся Институтом и на Алтае среди алтайцев.

Кроме этих больших комплексных проблем, советские этнографы разрабатывают и другие темы, касающиеся отдельных сторон народной жизни. Но и в этой тематике преобладает этнографическое изучение сельского населения, хотя за последнее время некоторые этнографические учреждения нашей страны занялись и рабочим бытом; особенно активно работают в этом направлении этнографы Армянской, Грузинской, Украинской ССР.

Основной причиной, сдерживающей развитие исследований по этнографии рабочего класса, является отсутствие твердых методологических установок в отношении задач изучения. В известных нам работах можно отметить два основных крена в этом изучении: 1) основной упор исследователи делают на изучении материального положения рабочего класса в прошлом (при капитализме) и настоящем (при советском строе); 2) основной упор делается на изучении истории революционного движения на каком-либо заводе или в промышленном районе. Спора нет, что изучение истории рабочего класса в обоих этих направлениях весьма важно для науки, но такими исследованиями должны заниматься историки.

Рабочий класс в СССР является творцом и распространителем наиболее развитых форм социалистической культуры, поэтому изучение роли рабочего класса СССР в процессе развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры народов СССР и в социалистической перестройке их быта имеет исключительно большое научное значение.

Но перед этнографами стоит и другая, не менее важная задача — изучить национальные формы культуры рабочего класса в странах капитала. В силу исторических условий, сложившихся в настоящее время в буржуазных странах, рабочему классу приходится брать на себя руководство защитой демократических свобод и национальной независимости. «Раньше буржуазия, — сказал И. В. Сталин в своей речи на XIX съезде КПСС, — считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их „превыше всего“. Теперь не осталось

и следа от „национального принципа“. Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт». И, обращаясь к представителям коммунистических и демократических партий в странах капитала, товарищ Сталин призвал их взять в свои руки знамя национальной независимости и национального суверенитета и понести это знамя вперед, если они хотят быть патриотами своей страны и стать руководящей силой нации, потому что некому больше поднять это знамя.

Лучшие, наиболее передовые элементы демократической интеллигенции, мелкой буржуазии, крестьянства в капиталистических странах видят теперь в рабочем классе своей страны основную силу, могущую «спасти нацию», т. е. дать возможность народам сохранить свою независимость и свою национальную культуру. И действительно, рабочий класс в этих странах становится такой силой. Он делается наследником и хранителем лучших национальных традиций, он выступает носителем наиболее совершенных и прогрессивных форм культуры. Задача научного изучения этих форм весьма актуальна, и если советские этнографы возьмут на себя почин и поработают над методологией исследования, то, несомненно, в странах капитала найдутся среди прогрессивных ученых продолжатели этого дела и активные собиратели этнографического материала.

Из той разнообразной тематики (помимо общей проблемы влияния колхозного строя на культуру и быт сельского населения), которая в настоящее время изучается этнографами, наиболее актуальны в связи с историческими решениями XIX съезда КПСС две темы: семья и семейный быт и народное жилище.

Построение первой фазы коммунистического общества — социализма — привело к коренным изменениям в материальном быту и культурном уровне народов СССР. Эти изменения наиболее ярко выявляются при этнографическом изучении семьи и семейного быта колхозного крестьянства. Крестьянская семья в СССР, утратив свои производственные функции, перестала быть основной хозяйственной единицей общества. В крестьянском быту произошло «возвращение всего женского пола общественному труду» (Энгельс), что особенно сказалось на быте тех народов СССР, у которых женщина вплоть до Советской власти работала главным образом в домашнем хозяйстве. Советская власть освободила женщину-крестьянку юридически, а колхозный строй обеспечил ее экономическое раскрепощение. В результате новых общественно-экономических отношений изменились взаимоотношения всех членов крестьянской семьи, разительно поднялся их культурный уровень, расширились культурные запросы. Но вместе с тем в семейном быту колхозного крестьянства имеется еще много старинных навыков и обычаев; часть из них изменила свое содержание, которое стало больше соответствовать новому, социалистическому быту, а другая часть является пережитком, тормозящим развитие культуры и перестройку быта. Изучение всех этих процессов, совершающихся в крестьянском семейном быту, весьма важно для этнографической науки.

Этнографы всегда занимались изучением истории семьи, и у советских этнографов имеется немало научных трудов по истории семьи народов СССР. Основное внимание исследователи уделяли положению женщины в семье, взаимоотношению поколений, культурному уровню членов семьи. Эти аспекты в изучении семьи вполне правомерны и необходимы, но не менее необходимо и изучение материальных основ семейного быта, а между тем эта сторона исследования отстает. Основной причиной отставания является некоторое пренебрежение бюджетными обследованиями. Отстает также изучение юридического быта семьи, между тем как именно этот быт вскрывает много показательных данных социалистического строя, сохраняя в то же время большое разнообразие национальной специфики.

Таким образом, тема о колхозной семье выделяется не только своей актуальностью, но и богатством этнографического содержания. Если этой темой займутся одновременно многие этнографические учреждения проведут свои исследования по единой программе и согласованной методике сбора и обработки материала, можно ожидать в ближайшие два-три года появления обобщающего научного труда о семейном быте народов СССР, труда, который окажет большую помощь при выработке практических мероприятий Советской власти для постепенного перехода общества к коммунизму.

В любом исследовательском институте, занимающемся проблемами этнографии, ведется также изучение народного жилища. В связи с новыми задачами, стоящими теперь перед Советской страной, нужно изменить основные установки изучения и придать ему больший размах.

В период перехода к коммунизму культурные потребности советских людей будут расширяться вместе с повышением материального уровня жизни и культурным ростом. В связи с этим многие из ныне существующих типов жилищ народов нашей страны станут устаревшими, не отвечающими возросшим потребностям населения.

В развитии форм народного жилища велико значение этнических традиций — они придают своеобразие как бытовому использованию жилых строений, так и их внешнему виду. Выработавшиеся веками этнические традиции хранят ценнейший строительный опыт народных масс, связанный и с образом жизни населения, и с географическими условиями местности. Но образ жизни людей меняется в ходе исторического процесса, поэтому и этнические традиции не остаются неизменными, однако этот вторичный процесс (изменения этнических традиций) несколько запаздывает в те периоды, когда народная жизнь претерпевает быстрые и радикальные сдвиги. К чему приводит такое запаздание, можно пояснить на одном примере.

В северной и средней части Воронежской области РСФСР живет гарожильческое русское население, предки которого переселились из лесистых местностей и принесли с собой традиционное срубное деревянное жилище. В эпоху переселения территория, занятая новоселами, была достаточно богата лесом, и поэтому срубнодеревянное жилище оставалось основной формой жилых строений, но к началу XX в. лесные массивы были постепенно вытеснены пашней и из-за недостатка строевого леса все труднее становилось воронежским крестьянам строить срубные дома. Казалось бы, что прямым следствием обезлесения должен был быть массовый переход населения к безлесному строительству, однако этого не случилось. Не имея возможности возводить новые строения, население обмазывало старые срубы снаружи и изнутри глиной, чтобы родлить жизнь дерева, но к новым строительным материалам перешло только неохотно. В настоящее время, при колхозном строе, в северной половине Воронежской области срубы вытесняются строениями из обожженного кирпича, но в средней полосе этой области русское население упорно держится за обветшалые деревянные срубы, не желая переходить на саманно-кирпичное жилье, бытующее у украинского населения на юге Воронежской области, или кирпичные дома своих северных соседей.

В чем причина такого положения? Только во власти этнических традиций. Они мешают развитию новых типов жилища. Если бы воронежские колхозники были лучше знакомы с другими, более совершенными типами жилья, бытующими у других народов, близких им по национальной культуре, они не держались бы за эту этническую традицию и переняли бы строительные навыки народов-соседей. Казахи северных областей Казахской ССР, например, перейдя на оседлость, быстро освоили южно-русский тип саманно-кирпичного жилого дома и тем самым обеспечили себя удобным и просторным жильем, вполне приспособленным к воз-

росшим культурным потребностям. Этот путь открыт и для других народов.

Народная мысль непрерывно работает над усовершенствованием типов жилья, и эти пытливые поиски лучшего жилого дома, наиболее приспособленного к социалистическому быту, должны быть предметом особого изучения этнографов. В результате совместной работы многих этнографических учреждений мог бы быть подготовлен труд о народном жилище в СССР, в котором собраны были бы сведения о всем богатстве народных традиций и новых приемов в народном зодчестве, направленном на сооружение типов жилья, наиболее приспособленного к национальным особенностям быта населения и к его культурно-бытовым потребностям.

Для того чтобы этот научный труд можно было использовать практически при проектировании новых типов жилых домов, этнографам следует вести всю исследовательскую работу в теснейшем контакте с архитекторами и искусствоведами.

3

В истекшем 1952 г. на страницах нашего журнала была проведена дискуссия о задачах и методах этнографического изучения колхозного крестьянства. Среди советских этнографов существовали в то время различные взгляды по этому вопросу, и надо было договориться об основных установках.

Обсуждение, открытое моей статьей «Об этнографическом изучении колхозного крестьянства», проходило оживленно и в четырех номерах журнала (№ 1, 2, 3 и 4) высказалось несколько научных работников, имевших большой опыт полевой этнографической работы и занимавшихся в последние годы этой тематикой. Дискуссия настолько сблизила различные точки зрения, что основные разногласия оказались устраненными. Можно было уже подвести итоги обсуждению, но в это время произошли два исторических события — выход в свет труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза, — заставившие нас по-новому сформулировать очередные задачи этнографической науки и в свете этих задач иначе оценить результаты прошедшей дискуссии.

К каким же выводам приходим мы теперь в отношении этой дискуссии?

Дискуссия несомненно была полезной, но она могла бы дать науке больше, если бы теоретические проблемы были даны в развернутом виде и если бы в ходе проведения дискуссии не было допущено нескольких организационных и теоретических ошибок.

Участники дискуссии уделили свое основное внимание не теоретическим, а методическим вопросам, хотя, как известно, методические вопросы никогда нельзя отрывать от тех научных проблем, которые эта методика обслуживает. В том, что дискуссия приняла такое направление, виноваты не только авторы дискуссионных статей, но и редакция журнала. В моей статье, открывавшей дискуссию, принципиальная, теоретическая сторона проблемы была представлена в конспективной форме, в то время как вопросы методики были даны в более развернутом виде. Это, пожалуй, и предопределило ход дальнейшего обсуждения, во время которого вопросы теории оказались отодвинутыми на задний план.

За последние два года мне так часто приходилось выступать с докладами по этой тематике на различных совещаниях и конференциях, а круг участников этих совещаний был настолько однороден, что, казалось, нет необходимости вновь доказывать, а следовательно, и аргументировать высказывавшиеся мной неоднократно и уже признанные другими положения. Я упустил, однако, при этом из виду, что доклады эти и подроб-

ные отчеты о совещаниях пока не опубликованы, а поэтому и совершенно неизвестны широкой читательской аудитории. Ставя же на страницах журнала на обсуждение какой-либо вопрос, нужно дать читателю возможность ознакомиться с постановкой проблемы во всей ее широте. И конспективная форма изложения для этой цели никак не подходит. Так как и другие участники обсуждения неоднократно выступали на указанных совещаниях и конференциях, а в постановке основной проблемы они не имели принципиальных разногласий со мной, то и они ограничились лишь разбором тех положений, по которым имелось различие во мнениях. Это были главным образом методические вопросы. По этим вопросам мы в результате дискуссии договорились и, как это подтвердилось на состоявшемся в ноябре 1952 г. совещании по координации научных исследований по этнографии народов СССР, пришли к единому мнению, но принципиальная сущность постановки самой проблемы осталась для многих читателей журнала, составляющих наш этнографический актив, недостаточно ясной. Настоящей статьёй — в ее первой части — я восполняю этот пробел в ходе дискуссии. Что же касается вопросов методических, подвергшихся обсуждению, то участники дискуссии и позже участники совещания по координации научной деятельности одинаково пришли к выводу, что теперь не существует никаких принципиальных разногласий между сторонниками «монографического» изучения культуры и быта колхозного крестьянства и сторонниками «тематического» изучения тех же объектов.

Монографическое изучение или, правильнее, всестороннее этнографическое изучение быта населения колхоза, села, группы колхозов, района, даже небольшого народа в целом нельзя противопоставлять тематическому изучению того же быта: вот о чем договорились все советские этнографы. Но они признали при этом, что для придания большей научной глубины этнографическим исследованиям необходимо коренным образом улучшить полевую этнографическую работу, отведя ей больше времени и выделяя для нее наиболее квалифицированные кадры. Практическим результатом дискуссии явился также пересмотр планов научно-исследовательской работы многих этнографических учреждений и организация первых этнографических стационаров как опорных пунктов для многолетних исследований.

В моей статье, открывавшей дискуссию, была допущена теоретическая ошибка. Правда, эта ошибка не сказалась на ходе и результатах дискуссии, потому что никто из ее участников не присоединился к неправильному теоретическому положению, высказанному мной, не исходил из этого положения.

Излагая совершенно правильное положение о том, что социалистическое сознание колхозников формируется не только под влиянием колхозной экономики, а социалистического строя в целом, под идеологическим воздействием Коммунистической партии и Советского государства, и что все это влияет на формы быта, я присоединил к этому правильному положению совершенно неправильное заключение: «В советском социалистическом обществе сама экономика подчиняется человеческому сознанию (социалистическому сознанию!) — на этом основано наше плановое хозяйство». Так было сказано в моей статье.

Это положение ошибочно и открывает дорогу волюнтаристским толкованиям, ведущим к отрицанию объективного характера экономических законов. Плановое хозяйство основано вовсе не на том, что «экономика подчиняется человеческому сознанию», а на объективном экономическом законе планомерного, пропорционального развития народного хозяйства при социализме.

Этот закон, говорит И. В. Сталин, «даёт возможность нашим планирующим органам правильно планировать общественное производство. Но возможность нельзя смешивать с действительностью. Это — две раз-

ные вещи. Чтобы эту возможность превратить в действительность, нужно изучить этот экономический закон, нужно овладеть им, нужно научиться применять его с полным знанием дела, нужно составлять такие планы, которые полностью отражают требования этого закона. Нельзя сказать, что наши годовые и пятилетние планы полностью отражают требования этого экономического закона»¹⁸.

И поэтому никак нельзя утверждать, будто социалистическая экономика «подчинена» человеческому сознанию, как это неправильно сформулировано было мной в указанной статье. Роль человеческого сознания состоит в данном случае в том, что люди могут открыть законы экономического развития, «познать их и, опираясь на них, использовать их в интересах общества, дать другое направление разрушительным действиям некоторых законов, ограничить сферу их действия, дать простор другим законам, пробивающим себе дорогу...»¹⁹, и только в этом смысле можно говорить о «покорении» людьми сил природы или экономических сил, о господстве над ними.

Таково единственно правильное марксистское решение вопроса о соотношении сознания и экономики в условиях социализма, установленное товарищем Сталиным. Моя же формулировка шла вразрез с этими материалистическими положениями и независимо от моих желаний могла содействовать распространению субъективно-идеалистических взглядов.

В ходе дискуссии были допущены теоретические ошибки и другими ее участниками.

В статье «К вопросу об этнографическом изучении колхозного крестьянства» Н. И. Воробьев писал: «Если в прошлом деревня, живя более замкнутой жизнью, являлась создателем и хранителем национальных традиций в быту, то это в той или иной степени остается и в настоящее время. Национальные формы социалистического быта обычно создаются в деревне, где сильнее национальные традиции, в том числе и хорошие традиции, которые в переосмысленном виде входят в социалистический быт и имеют все данные для длительного сохранения в нем»²⁰. Здесь правильные положения настолько перепутаны с неправильными, ошибочными, что приходится их разобрать более подробно.

Деревня при капитализме не была «создателем» всех национальных традиций в быту: город был создателем буржуазных, буржуазно-демократических и революционных традиций. Деревня же, отставая от капиталистического города в культурном и бытовом отношении, была настоящим заповедником старого быта, в котором сохранялись даже традиции, сложившиеся до образования буржуазных наций. Некоторые из городских традиций проникали в деревню и там консервировались, но этому проникновению мешало — кроме различий в образе жизни — недоверие, перераставшее иногда в прямую враждебность, сельских жителей к городским людям. Эта враждебность объяснялась противоположностью интересов города и деревни при капитализме, эксплуатацией деревни городом, разорением деревенского населения ходом развития промышленности, торговли, кредитной системы²¹.

В советском социалистическом обществе противоположность между городом и деревней исчезла, поскольку была ликвидирована почва, питавшая противоречия. Исчезло и недоверие к горожанам. «Огромная помощь нашему крестьянству со стороны социалистического города, со стороны нашего рабочего класса, оказанная в деле ликвидации помещиков и кулачества, укрепила почву для союза рабочего класса и крестьянства, а систематическое снабжение крестьянства и его колхозов первоклассными

¹⁸ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 8—9.

¹⁹ Там же, стр. 5.

²⁰ «Советская этнография», 1952, № 1, стр. 142.

²¹ См. И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 25

тракторами и другими машинами превратило союз рабочего класса и крестьянства в дружбу между ними»²². Все прогрессивное, что создается в городском быту при социализме, теперь перенимается жителями колхозной деревни.

Конечно, новые формы сельского быта создаются самим колхозным крестьянством, но социалистический город оказывает при этом громадное влияние. Социалистические города являются центрами политической жизни, центрами культуры, центрами индустрии, сосредоточием рабочего класса — самого передового класса общества. Этот класс создает самые передовые формы социалистической культуры, нового быта. Хотя культурный уровень колхозного крестьянства неизмеримо вырос за годы строительства социализма и, конечно, стоит выше культурного уровня трудящегося крестьянства в любой капиталистической стране, все же социалистический город во всех областях общественной и культурной жизни идет впереди колхозной деревни — он ведет ее за собой.

Отсюда видно, какую большую теоретическую ошибку делает Н. И. Воробьев, утверждая будто «национальные формы социалистического быта обычно создаются в деревне». Прямым выводом из таких положений является отрицание процесса формирования национальных форм нового быта в социалистическом городе, т. е. отрицание национальной формы социалистической культуры горожан. Н. И. Воробьев, по сути дела, отрицает историческую миссию рабочего класса, его ведущую роль в социалистическом переустройстве общества.

Ошибочны также некоторые положения Н. А. Кислякова, автора статьи «К вопросу об этнографическом изучении колхозов». Полемизируя со мной по вопросу о природе колхозов, Н. А. Кисляков пишет: «Неправильно, что колхоз является только хозяйственной организацией. Все те формы культурного обслуживания, о которых говорит автор (речь идет о моей статье, открывшей дискуссию.— П. К.), а именно: школа, изба-читальня, радио, кино и т. п., имеются в каждом колхозе; колхоз проводит общественную работу среди своих членов; наконец, в колхозах создаются и свои колхозные партийные организации. Таким образом, колхоз является не только производственным, но и общественно-политическим коллективом, и противопоставлять его селу, деревне неправильно»²³. В этих утверждениях содержится много неточностей и ошибок.

«Колхоз,— как говорил товарищ Сталин,— есть социалистическая форма хозяйственной организации так же, как Советы являются социалистической формой политической организации»²⁴. Но содержание организации зависит от того, какая работа будет в ней проводиться, кто и во имя чего будет направлять эту работу. В интересах социализма, чтобы во главе колхозов стояли подлинные революционеры, преданные социалистическому строю и имеющие навыки и знания, необходимые для ведения общественного сельского хозяйства. Коммунисты, работающие в колхозах, должны быть не только передовиками производства, но и цементирующей силой коллектива, проводниками партийного влияния, партийной политики. Их объединяет первичная партийная организация, которой предоставлено право контроля за хозяйственной деятельностью колхоза.

Так обстоит дело с природой колхозов и ролью колхозных первичных партийных организаций. Н. А. Кисляков не понял всего этого. На том основании, что в колхозах ведется не только хозяйственная, но и политическая работа, он назвал колхозы «общественно-политическими коллективами». Но общественно-политическая работа ведется на всех фабриках, заводах, в совхозах, колхозах, селах, учреждениях, учебных заведе-

²² Там же, стр. 26.

²³ «Советская этнография», 1952, № 1, стр. 147.

²⁴ И. Сталин, О работе в деревне, «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, стр. 439.

ниях, в частях Советской Армии и т. д.²⁵ — без этой работы нельзя себе представить никакой организации в Советской стране. Однако это не мешает фабрикам и заводам быть производственными предприятиями, школам — учебными заведениями, частям армии и флота — военными организациями.

Нечетко представляет себе Н. А. Кисляков и политико-просветительное, а также культурно-бытовое обслуживание сельского населения. Школы, избы-читальни и другие политико-просветительные учреждения, врачебные пункты, больницы, почта, телеграф, радиовещание, пресса — обслуживают не только колхозников, но все без исключения население, живущее на территории определенных сельсоветов, районов. Эти учреждения находятся в руках государства, и район их деятельности определяется не границами колхозных территорий, а границами административными (сельских советов, главным образом). Что же касается колхозных клубов, радиоузлов, библиотек, детских яслей, принадлежащих колхозам, то они обслуживают исключительно членов колхозов. Очень часто бывает, что в одном селении находятся два клуба — один сельский, а другой колхозный, две библиотеки — сельская и колхозная. В крупных населенных пунктах могут быть отдельные первичные партийные организации — сельская и колхозная. Этнографу необходимо твердо знать все это, потому что иначе он не соберет необходимых ему сведений об общественной и культурной жизни села.

4

При работе этнографов над теми проблемами, которые стали особенно актуальными после XIX съезда КПСС, имеет большое значение вопрос о выборе объектов для этнографических исследований.

В отчетном докладе ЦК КПСС на XIX съезде партии Г. М. Маленковым была затронута проблема «типичности» в литературе. Выводы, которые он сделал при этом, могут быть применены не только к литературе — во всяком случае их должны принять и этнографы в своей исследовательской работе. Типично то, что с наибольшей полнотой и заостренностью выражает сущность явления; поэтому для установления типичности нужно прежде всего выяснить основную задачу изучения.

Если, например, изучается влияние колхозного строя на культуру и быт населения, то этнографическое исследование нужно вести в таких колхозах, где наиболее ярко выявлены все основные стороны колхозной организации, где развиты типичные для данного народа и для данной географической области виды сельскохозяйственного производства, типичные для данного народа формы быта. «Типичными» колхозами для изучения этой проблемы будут колхозы ведущие, передовые, потому что в них лучше поставлено общественное хозяйство, более развита механизация (а развитие техники стимулирует рост культуры людей, вызывает необходимость специализации, накопления знаний), создано больше предпосылок для повышения материального уровня жизни колхозников, для их культурного развития. Но «типичный» или передовой — это не значит самый богатый, «миллионер»; если доходы колхоза получаются от развития какой-либо случайной для данной местности отрасли хозяйства или от близости к городскому рынку, колхоз не может быть назван типичным, хотя бы он был и миллионером, а материальный уровень жизни колхозников был бы достаточно высок. Иное дело, когда в задачу изучения входит выяснение процесса развития культуры и перестройки быта населения пригородных колхозов, тогда именно близость рынка придаст типичность богатому пригородному колхозу.

²⁵ См. Устав Коммунистической партии Советского Союза, раздел VIII, § 54.

Если так подходить к типичности, исходя из задач этнографического изучения, один и тот же объект может быть типичным для одной темы и вовсе не типичным для другой. Но при всех условиях нужно выбирать такие объекты, которые могли бы наиболее полно показать изучаемые стороны народной жизни в их национальной специфике.

Основные методы полевой исследовательской работы советских этнографов достаточно определились — в основе их лежат личные наблюдения исследователя, опрос и беседы с местным населением, различные формы документальной фиксации материалов (зарисовка, снятие чертежей и планов, фотографирование, звукозапись и пр.), привлечение письменных источников. Но организация сбора материала сводится большей частью к формам личных записей самого исследователя. Исключительно редко создается на месте корреспондентский пункт, еще реже используется анкета. Между тем и то и другое, расширяя круг наблюдения, обогащает исследователя добавочным материалом, чем пренебрегать никак нельзя. Это не значит, что личное наблюдение нужно заменять распространением разных анкет или что необходимо переложить на корреспондента собирание тех сведений, которые легко могут быть получены самим этнографом. Но это значит, что этнограф должен уметь создавать актив вокруг себя, вовлекать в собирательскую работу местную интеллигенцию. В свое время краеведы сумели пробудить живой интерес среди сельской интеллигенции и среди учащейся молодежи к сбору сведений о родном крае: почему же не попытаться и этнографам, изучающим народную жизнь, сделать собирательскую работу по своей специальности массовой?

Организация корреспондентских пунктов и использование анкет (для частных, но не общих вопросов) стимулируют более тщательную разработку этнографом программы исследования и тем самым помогают укреплению методической части полевой работы. Дагестанская экспедиция Института этнографии имени Миклухо-Маклая АН СССР с успехом применила анкету для получения материала по вопросу о степени распространения среди населения отдельных языков, в частности русского. Анкета, будучи обработана, дала ценные результаты, раскрыв такие явления, которые никак не удавалось установить путем личных наблюдений этнографов и путем бесед.

Незаслуженно забыта и такая форма получения материалов, как бюджетное обследование. Всем этнографам известно, что анализ семейного бюджета вскрывает экономические основы и внутреннюю динамику семейного потребительского хозяйства и что изучать семейный быт, не выявляя бюджета хозяйства, очень трудно. Тем не менее редко кто из изучающих семью занимается определением бюджета этой семьи. Статистические учреждения нашей страны производят систематические бюджетные обследования различных слоев населения, но программа этих обследований очень сложна, для этнографа же подробные сведения не всегда нужны. Для определения экономической базы семейного хозяйства какого-либо колхозника можно удовлетвориться минимумом сведений о доходах и расходах: в отношении доходной части бюджета необходимо выявить доходы по трудовым дням всех членов семьи, а также от дополнительной оплаты, премий, от приусадебного хозяйства, от заработной платы членов семьи (если в семье есть трактористы, комбайнеры, рабочие, служащие); отдельными случайными доходами можно и пренебречь. Доходная часть бюджета дает представление как об уровне материальной жизни, так и об экономическом значении общественного хозяйства и его влиянии на материальный быт семьи. Что же касается расходной части бюджета, то для этнографа наибольший интерес представляет та часть расходов, которая идет на приобретение вещей и на культурные нужды.

Собрать и проанализировать эти сведения по силам любому этнографу.

При изучении сложных процессов современности нашим этнографам часто приходится выходить за рамки собственно этнографической науки как, например, при изучении влияния колхозного строя на культуру быт сельского населения. Между тем среди некоторых этнографов существует мнение, что привлечение к этим исследованиям ученых-специалистов смежных дисциплин приносит больше вреда, чем пользы делу так как эти ученые-де не понимают задач этнографического изучения потому отклоняются от общих задач исследования.

Это мнение неправильно. Отдельные неудачи при совместной работе ученых разных специальностей объясняются большей частью тем, что исследования велись без достаточной предварительной разработки программ и методов, но при таких условиях никакое комплексное исследование невозможно. Если дело будет лучше поставлено, иными окажутся и результаты. Не следует забывать, что одни и те же явления народной жизни могут изучаться в различном аспекте. Так, например, изучает народное жилище — здесь совместно выступают исследователями этнограф, архитектор, искусствовед. При изучении музыкального фольклора необходима совместная работа этнографа-фольклориста и музыковедов и т. д. Но для того чтобы такая совместная работа была продуктивной она должна заранее быть согласована. Что же касается претензии некоторых этнографов выступать в роли универсальных исследователей всех сторон народной жизни, то с этим нужно бороться и такие тенденции ограничивать: этнографическая наука не может ставить своей целью изучение всех форм народной жизни — для этого существует много других наук, специализированных по разным отраслям знания. Но изучение национальных форм народной культуры и проявление этнических или национальных черт в народном быту — есть специальность этнографии.

XIX съезд КПСС поставил перед советской наукой большие задачи разрешение которых приведет к тому, что она займет первое место мировой науке. Будем же и мы, этнографы, работать так, чтобы и советская этнография заняла на научном фронте передовое место.